НАРОДНА БИБЛІОТЕКА
пôдъ редакціею Григорія Гр. Ганулярка.

Ч. 1. 1913.

І. Я. ЛУЦЫКЪ (Романъ Сурмачъ).

Въ тôй самôй хатѣ.

Три образы зъ житья нашого народа съ спѣвами.

Написано и посвящено тымъ, котрі колись на панщинѣ душу клали и кровью своею землю орошали.

ЛЬВÔВЪ, 1913. Цѣна 40 гел.

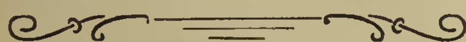
Ставропигійска типографія пôдъ управл. М. Ресфця.

І. Я. ЛУЦЫКЪ
(Романъ Сурмачъ).

Въ тôй самôй хатѣ.

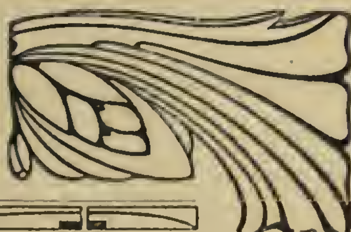
Три образы зъ житья нашого народа
съ спѣвами.

Написано и посвящено тымъ, котрî колись на панщинѣ душу клали и кровью своею землю орошали.

ЛЬВÔВЪ, 1913. □ Накладъ Гр. Ганулака. □ Типографія Ставропигійского Института пôдъ управленьемъ М.Рефця.

Актъ I.

Особы первого акту:

Семенъ, селянинъ, лѣтъ 70.
Анна, его жена „ 60.
Осипъ, ихъ сынъ „ 26.
Марья, его жена „ 20.
Андрей } сосѣды.
Стефанъ }
Пугальскій, мандаторъ.
Цапунъ, атаманъ (гуменный изъ часôвъ панщины).
Пьявкесъ, жидъ.
Трехъ панскихъ гайдукôвъ.
Дѣеся въ хатѣ Семена въ 1815 р.

ПРИМѢЧАНІЕ: Всѣ три акты становятъ для себе каждый осôбну цѣлôсть. Если имена дѣйствующихъ осôбъ тѣ сами, то для того, що тѣ сами аматоры маютъ ихъ грати. Духово представляютъ они тѣ самѣ типы, по межи каждымъ актомъ минае по 50 лѣтъ, такъ, що дѣеся все межи 1, 3 и 5 поколѣньемъ отъ 1815 р.

Сцена I.

Звычайна проста сельска хата. Каганецъ слабо блымае. Семенъ передъ образами тихо молится, Осипъ дре лыко на постолы, Анна пораеся коло печи, Марья вытирае ложки.

По пôднесеню занавѣса хвиля мовчанки. По хвили

СПѢВЪ 1:

Прійми, о Боже, зъ устъ печальныхъ,
Прійми молитвы нашой дань,
На насъ опальныхъ и страдальныхъ,
На насъ отцевскимъ окомъ глянь!

Вже день надходитъ, чорнî руки
Готовî все у насъ на трудъ;
Готова тожь душа на муки,
Якî щоденно тутъ насъ ждутъ!

Якъ червъ, придоптаный ногою,
Конаемъ мы, зойкъ въ небо шлемъ,
И плачемъ тôлько предъ Тобою,
И сонця ждемъ, и правды ждемъ!

(*По спѣвѣ*):

АННА (*ставитъ миску на столѣ*): Кушайте, що Богъ давъ! (*Всѣ четверо крестятся, сѣдаютъ до стравы*).

СЕМЕНЪ: А хлѣба нема?

АННА: Куда намъ до хлѣба. Не то, що нема, а до нового не надѣятися, щобы хотя скибку до губы взяти.

ОСИПЪ: Така уже намъ доля и писана. Жіютъ другй люди, а мы не жіемъ, а конаемъ, неначебъ некрещеный народъ.

МАРЬЯ: Ты бы Осипе, лучше мовчавъ. А то и такъ уже кричатъ, що ты громаду бунтуешь.

ОСИПЪ: Мало чого не кажутъ! Мовчи, коли экономъ день въ день крае тѣло нагаемъ; мовчи, коли отца и матерь видишь въ побояхъ.

СЕМ.: Навыкли мы сыночку до того. Теперь уже хотя лекше, а перше не такъ було. Перше пôдъ буками убивали и души помянути не дали. Продавали насъ, якъ скотину.

ОСИПЪ: Теперь не лучше. Насильно отдаютъ въ рекруты и що вдѣешь съ ними?

АННА: Того тобѣ боятися тôлько, Осипе. Почуе мандаторъ яке слово и все пропало.

ОСИПЪ: Нехай пропадае. Бьютъ и тамъ, но хотя въ мѣру, а тутъ... И нынѣ менѣ бы въ свѣтъ за очи.

МАРЬЯ: А мене кому оставишь, а дитину? (*Осипъ задумуеся*).

СЕМ.: Видишь, сынку, терпенъ, спасенъ. Диви, скôлько у насъ могилокъ на кладбищи, а всѣ, що въ нихъ спятъ, гôрьше насъ страдали. Така то доля и намъ судилася.

ОСИПЪ: Щожъ тату, нынѣ пôйдемъ на свое жито?

СЕМ. (*а по немъ другй кладутъ ложки*): Хиба же такъ! Ôтробили мы сѣмъ дней пôдъ рядъ, ну нынѣ уже не гонятъ. Вотъ я просивъ Стефана и Андрея, щобы прійшли помочи. До вечера зôжнемъ. Ты, Маріе съ нами, а мати попораеся коло полуденка. Чи тôлько серпы у насъ не потупѣли?

ОСИПЪ: Нѣ, пригодятся.

АННА: А ты, Осипе, мовчи, не дразни тыхъ живодерôвъ. Дасть Богъ, прійде доля, а теперь не намъ боротися противъ нихъ. (*прятае миску и ложки*).

Сцена 2.

(*Входятъ Стефанъ и Андрей, оба съ серпами*).

АНДРЕЙ: Съ Божимъ днемъ, погодонька, ажь любо!

СТЕФ.: Правда, що буде печи сонце и пôтъ польеся, но нехай тамъ.

ОСИПЪ: Чи то мы мало навыкли до того.

СПѢВЪ 2.

(*Стефанъ, Андрей и други̂ сѣдаютъ, где кто стоявъ*).

Такъ, солоный, пôтъ крестьянскій,
Якъ по тѣлѣ ôнъ польеся,
На ланъ $\frac{\text{брате}}{\text{сестро}}$ станешь панскій,
И нагайка въ тѣло впьеся.

Сонце свѣтитъ, сонце грѣе,
Допѣкае вже ôтъ рана,
Ахъ, щасливъ, кто не омлѣе
Хоть пôдъ бокомъ атамана!

И такъ вѣчно при роботѣ,
Безталанный и забвенный,
Въ тôмъ соленôмъ своемъ потѣ,
Пропадае людъ крещеный!

(*По спѣвѣ*):

СЕМ.: Выйду я, може хотя бохоня хлѣба принесу отъ сосѣда. А вы не марнуйте часу, скоро треба ити (*выходитъ, за нимъ Анна*).

Сцена 3.

(*Ти̂, безъ Семена и Анны*).

АНДР.: Слухай но, Осипе, вчера мандаторъ дуже кричавъ и грозивъ тобѣ. Чого ты лѣзешь ему въ очи.

ОСИПЪ: Правды шукаю!

СТЕФ.: Где, у злодѣя? И закимъ ю найдешь, то ôнъ тебе зможе. Якъ перемôгъ десятки другихъ!

МАРЬЯ: И прошу я и молю, не за себе дбай, не за мене, а за дитину.

АНДР.: Уважай абы пôздно не було, бо нагай твердшій отъ твоего слова.

СПѢВЪ 3.

Никто не знае,
Где проживае
Правда на свѣтѣ, для всѣхъ одна,
Куда пропала,
Где ся сховала,
Гдесь погибае на глумъ она!

Никто не слѣдитъ,
Никто не видитъ,
Где хлопска доля, где нашъ законъ,
Все лишь сумуешь,
Въ одно все чуешь,
Нещастя, горя, роспуки стонъ!

Щобы здушити,
Щобы втопити,
Все горе можна въ безодняхъ водъ;
Тогдѣ въ ту днину,
Хоть на хвилину,
Оживъ бы русскій, бѣдный народъ!

Сцена 4.

(*Входитъ Пьявкесъ, въ шапцѣ, съ палкою за поясомъ*).

ПЬЯВК.: Старе Семенъ нема?
ОСИПЪ: На що вамъ?
ПЬЯВК.: Тобѣ не треба знати!
ОСИПЪ: Гей, жиде, въ чіей ты хатѣ?
ПЬЯВК.: Въ панскôй. Може оно твое, що?
ОСИПЪ: Ей, не дразни мене!

ПЬЯВК.: Овва, дуже боюся. Атаманъ тутъ близько. Ты давно уже не брало съ букъ то у тебе пысокъ широке.

МАРЬЯ: Оставте, Пьявкесъ, чого заразъ рано напастуешь людей.

ПЬЯВК.: А оно, чого хоче, га?

Сцена 5.

(*Тѣ самѣ, Семенъ и Анна*).

СЕМ.: А, Пьявкесъ, такъ вчаснымъ ранкомъ, га?

ПЬЯВК.: Въ самъ часъ. Слухайте, Семенъ, менѣ нынѣ треба два робôтника изъ вашои хаты.

СЕМ.: А бôйтеся Бога, тажь я тôлько на нынѣ людей просивъ, сѣмъ день пôдъ рядъ робили, иначе пропаде моя праця.

ПЬЯВК.: Що менѣ до того. Якъ вы брали на довгъ, то була така умова. Горѣлки умѣли вы пити, що?

АННА: А гдежь мы ю уживаемъ. Приказавъ панъ взяти бочку, мы взяли на весѣля.

ПЬЯВК.: Панъ приказало, бо оно на то панъ. А я приказую съ серпомъ ити и конецъ.

ОСИПЪ: Нѣ, не дôждешь ты того.

ПЬЯВК.: А ты букъ таки дôждешь. Не хочете ити?

СЕМ.: Хотя нынѣ оставте, а я два дни отроблю, три дни.

ПЬЯВК.: Шкода мое губе. Я буду васъ иначе учйти. (*Отходитъ*).

Сцена 6.

(*Тй сами, безъ жида*).

СЕМ.: Що теперь робити?

АННА: Хиба ити!

ОСИПЪ: Такъ, а наша праця нехай зовсѣмъ пропадае.

СТЕФ.: Що вамъ жидъ зробитъ? Помолѣтся Богу и скорше на нивку, изъ неи васъ не згонитъ. Права такого нѣтъ.

МАРІЙКА: Право, где хлопске право?

СПѢВЪ 4.

Чи смѣетеся лукаво,
Чи незрящй вы и темнй,
Тажь то труды надаремнй,
Кто, где чувъ за хлопске право?

Хлопске право, все керваво
Гаровати нôчь и днину,
Въ шлеи бути безъ опину,
Отъ где наше хлопске право!

Ажь по смерти, якъ на лаву
Зложатъ тѣло въ домовинѣ,
Ажь тогдѣ, въ такôй годинѣ,
Найдесь певно хлопске право!

(*По спѣвѣ*):

СЕМ.: Якъ ити, то ити съ Богомъ.

Сцена 7.

(*Входятъ Цапунъ и Пьявкесъ*).

ЦАПУНЪ (*съ гарапникомъ за поясомъ*) Що то бунтація, чи що?

СЕМ.: Яка бунтація? Присядьте, пане атамане!

ЦАП.: Песъ нехай у тебе сѣдае не я. Чувъ, мудю, чому не идешь до пана Пьявкеса робити?

АННА: Бôйтеся Бога и у насъ нивка, не зберемъ нынѣ, то коли зберемъ? Що?

ЦАП: Не зберешь, то нехай зогніе тобѣ, а жида не важься кривдити! Хочешь, щобымъ тя нагаемъ потягнувъ?

ОСИПЪ: Якежь у васъ право заступатися за жида?

ЦАП.: Ты премудрый, мовчи. Не довго тобѣ пановати, не нынѣ, то завтра!

СЕМ.: Помилуйте, мы ему ôтробимъ въ двое.

ПЬЯВК.: Коли я хочу нынѣ. И такъ мае бути.

СПѢВЪ 5.

ПЬЯВК. и ЦАП.:
Що прикажемъ, такъ ся стане,
Муситъ каждый добре знати.

СЕМ., АННА, МАР., СТЕП., АНД.:
Ахъ, про Бога, атамане,
Та не дай намъ пропадати.

ПЬЯВК. и ЦАП.:
Не поможе ту и Боже,
Такъ диктуе наша воля!

СЕМ., АННА, МАР., СТЕП., АНД.:
Насъ нещасныхъ голодъ зможе,
Якъ не зберемъ збôжа зъ поля,

ВСѢ:

ПЬЯВК. и ЦАП.:
Що тамъ голодъ, то марниця,
Буде меньше васъ голоты,
Тожь най каждый не гаится,
Маршъ до $\frac{\text{жида}}{\text{мене}}$ до роботы!
ОСИПЪ:
Ахъ, терпѣнье вже кôнчится,
Тажь мы люди, а не скоты,
Гдежь сумлѣнье, чи годится,
Днесь насъ гнаги до роботы?
ПРОЧІЙ:
А намъ голодъ не марниця,
Хочь не бракне намъ охоты,
Но простити намъ годится,
Сежь нашъ день есть для роботы.

Р а з о м ъ.

(*По спѣвѣ*):

ЦАП.: Якъ я виджу, то вы тутъ дуже премудрѝ. То зробѣмъ такъ: До жида двое, до двора двое, Осипъ съ фурманкою, а Марья съ серпомъ.

ОСИПЪ: Не дôждешься того. Мы свое отробили, не маешь права насъ гнати!

ЦАП. (*вытягае нагайку*): А знаешь ты то право? Не разъ ты его кушавъ, еще лучше попробуешь, закимъ пôйдешь тамъ, где лобы голятъ.

МАРЬЯ (*въ ужасѣ*): Господи!

АННА: Нѣ, атамане, жаль, що изъ пôдъ курнои выйшли вы стрѣхи, а сердця у васъ нема! Не чоловѣкъ вы, а звѣрь!

ЦАП.: Такъ тобѣ и гостинецъ отъ звѣря! (*Ударяе ю нагайкою, въ ту хвилю Осипъ хватае его за руку, выдирае нагайку, кидае Цапуна на землю и бье безпощадно*).

СЕМ. (*хватае его за руку*): Осипе!

МАРЬЯ: Пусти его!

ПЬЯВК.: Ай вай, убійство (*утѣкае*).

ОСИПЪ: То за всѣ наши кривды, за нашъ бôль, за наши слезы. (*Отвирае двери, пôдноситъ Цапуна и выкидае*).

Сцена 8.

(*Тй же, безъ Пьяв. и Цапуна*).

(*Хвиля тишины*).

АННА: И що теперь буде?

ОСИПЪ: Смерти не буде!

СЕМ.: А може бути еще що-то гôрьшого!

СТЕФ.: Тутъ ничо думати, Осипе утѣкай.

ОСИПЪ: Куда?

АНДР.: Тамъ, где другй утѣкаютъ. Въ свѣтъ за очи.

МАРЬЯ: И я съ тобою!

ОСИПЪ: Нѣ, Маріе! Менѣ прійдеся тапти по лѣсахъ и болотахъ, може въ опришки ити. Ты останъ тутъ. А якъ увидите огонь на паньскихъ хоромахъ, то знайте, що то мое дѣло.

АННА: Нѣ, ты не зробишь того! Ты Бога маешь въ серддци, а Ôнъ учитъ: хлѣбомъ за камêнь.

СТЕФ.: Но, не гаяти часу! Загумѣнками въ лѣсъ, а тамъ нехай глядятъ.

АНДР.: Дайте ему хотя сорочку и свиту. Бѣда не спитъ.

ОСИПЪ: Не бôйтеся и панъ и мандаторъ будутъ спати до полудня. Но, правда, що нѣтъ на що ждати.

СПѢВЪ 6

ОСИПЪ:

Пращай отче, пращай мати,
Пращай жѣнко, и дитино,
Пращай хато и родино,
И васъ, братья, часъ пращати,
Знать, по Божôй, святôй воли
Не увидимся николи!

ХОРЪ:

Нѣтъ, по Божôй, святôй воли,
Порхнутъ хмары, нôчь минеся.
И на нашôмъ русскôмъ поли
Спѣвъ веселый тамъ озвеся.

Гляне правда, наче сонце,
Въ коло ясно, свѣтло стане
А надѣя скрôзь ôконце
И до нашой хаты гляне!

ОСИПЪ (*самъ*):
Пращай жѣнко и дитино,
Пращай отче, пращай мати!

ВСѢ:
Ясне сонце, ясну днину,
Богъ пôшле до русскоï хаты!

(*По спѣвѣ*):

АННА (*выноситъ торбину съ хлѣбомъ*). Вотъ и все твое богатство. А грудку земли рôднои самъ возьми съ собою.

СЕМЕНЪ: Житье коротке, кобы до могилы, а тамъ...

ОСИПЪ: Маріе! Я хочу глянути на дитину. (*Выходятъ ôбое въ другй двери, до коморы*).

Сцена 9.

(*Сем., Анна, Андр., Стеф.*).

АНДР.: Закимъ мандаторъ проснеся, ôнъ уже буде въ лѣсѣ. А вы тôлько не кажѣтъ ничо, куда пôйшовъ. Кажѣтъ, що пôйшовъ до цѣсарского суду жаловатися.

СТЕФ.: Може повѣрятъ и змылятъ погоню.

СЕМ.: Дай то Господи! (*на дворѣ чути тупотъ*).

АННА: Запôзно!

Сцена 10.

(*Двери открываются съ трескомъ, вбѣгае Пугальскій съ стрѣльбою, готовою до стрѣлу, за нимъ Цапунъ и гайдуки*).

ПУГ.: А що, где пташокъ? Не улетѣвъ изъ клѣтки? Вы думали, що я на его щастье буду спати. Нѣ, хамы, я до рана въ карты гравъ. Теперь я васъ научу. Где тотъ злодѣй?

АННА: Я не знаю!

ПУГ. (*хватае Семена и кидае нимъ о землю*): И ты также не знаешь, що? Я изъ шкôры васъ облуплю, поясы изъ васъ дерти кажу. Кажешь, где ôнъ?

СЕМ.: Не знаю.

ПУГ.: Гей, взяти ихъ обое, по сто нагаевъ, а тодѣ скажутъ, где ôнъ.

Сцена 11.

(*Въ дверехъ коморы стае Осипъ*).

ОСИПЪ: Не треба, пане, не катуйте, я тутъ самъ.

ПУГ.: Не рушься, бо кулька въ лобъ. Наложити ему желѣза. (*Гайдуки куютъ Осипа и выводятъ на середину*). А що, хорошо въ бранзолетахъ? Знаешь теперь, съ кимъ начинаешь?

СПѢВЪ 7.

ПУГАЛЬСКІЙ:

Вчаснымъ ранкомъ заспѣвати,
То здорово есть часами,
Ще здоровше вандровати,
На припонѣ съ ланцухами!

Знай же хлопе, все готовый
Букъ на тебе, где лишь глянешь,
Панъ все ясный, гоноровый,
А ты хамомъ все останешь!

(*По спѣвѣ*):

ПУГ. (*до Осипа*): Чувъ, мудю?

ОСИПЪ: Чувъ. И позволь менѣ еще разъ попращати ту хату! И я заспѣваю по свому, по хлопски.

СПѢВЪ 8.

Хлопска доле, незавидна,
Доле чорна, доле бѣдна,
Чи скôнчишься ты коли?
Чи скôнчишься, Богъ то знае,
Но надѣя не вмирае,
Що повстанемъ мы отъ тли!

Слухай пане, слухай нынѣ,
Вѣтеръ вѣе по долинѣ,
Чи пôймешь его ты шумъ?
Шумъ той каже, що поляже
Гнетъ, неволя, лихо враже,
Що скôнчится панскій глумъ!

Въ ту годину, изъ могилы,
Встане мститель, повный силы
И поможе намъ хлопамъ,
И увидимъ, що ся стане,
Кто на судѣ смѣло гляне,
Ясный панъ, чи честный хамъ!

Хлопска доле, незавидна,
Доле чорна, доле бѣдна,
Ты веди мене на страсть;
А за слезы за оковы,
За потокй поту, крови,
Надгороду Богъ намъ дасть!

(*По спѣвѣ*):

ОСИПЪ: (*до Пуг.*) Чувъ пане?

ПУГ.: Пôдъ нагаями заспѣваешь ты еще лучше. А потôмъ — въ солдаты.

ОСИПЪ: Сковали вы руки, но тôлько менѣ. На всѣ хлопскй руки путъ не стане. А вольнои души не скуешь николи. (*до своихъ*): Пращайте! Богъ васъ не лишитъ. (*Анна и Марья цѣлуютъ его оковы.*)

ПУГ.: Цапунъ! Тй два хамы видѣли, якъ ôнъ тебе бивъ.

ЦАПУНЪ: Видѣли. Ясный пане цюцюреушъ!

ПУГ.: По сто букôвъ и десять день аресту. Я васъ научу бунтоватися!

АННА: Ясный пане, позвольте хотя до мѣста провадити сына.

ПУГ.: Не журися, я добрый чоловѣкъ. Ôнъ у мене не пôйде, а поѣде, якъ панъ. Бо перше еще попробуе, що то рука Цапуна. А кто пôдъ ту руку дôстанеся, той о своихъ силахъ не стане на ноги. Старый и стара сейчасъ до жида на роботу. (*до Осипа*): А ты, паничу готовый?

ОСИПЪ: Можемъ ити.

СПѢВЪ 9.

ПУГ. и ЦАПУНЪ:

Отъ и справа вся готова,
И безъ труда и безъ слова,
Безъ нагрӑды и наукъ,
Вся наука до ничого,
Лишь держатися одного,
Що на хлопа тôлько букъ!

ОСИПЪ и МАРЬЯ:

Часъ розлуки, часъ роспуки,
То начало довгой муки,
Не видатись бôльше намъ;
Но надѣя не заводитъ,
Посѣвъ пôздный также сходитъ,
Богъ насъ злучитъ въ небѣ тамъ!

ВСѢ:

ПУГ. и ЦАП.:

А теперь досыть вже того,
Надаремный всякій трудъ,
Наброивъ ты, пташку много,
Тожь ведѣтъ его на судъ!

ВСѢ ПРОЧІИ:

Намъ терпѣнія треба много,
Не даремный всякій трудъ,
Довершайте мѣры злого,
Мы васъ звемъ на Божій судъ!

Разомъ.

(*Гайдуки выводятъ Осипа. — Занавѣсъ опадае*).

Конецъ первого акту.

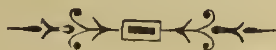
Актъ II.

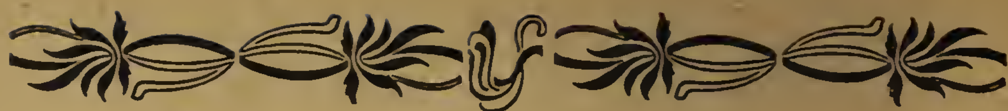
Особы другого акту.

Семенъ, вôйтъ, лѣтъ 50.
Анна, его жена.
Осипъ, его сынъ, лѣтъ 26.
Марья, его жена.
Стефанъ } сосѣды, лѣтъ по 45.
Андрей }
Пугальскій, громадскій писарь.
Цапунъ, полицай.
Пьявкесъ.

Дѣеся въ хатѣ Семена въ 1865 р.

Увага: Всѣ особы повиннî бути убранî и ухарактеризованî пôсля вѣку свого, стану и часу дѣйствія.

Сцена 1.

Звычайна сельска хата. Марья шіе.

СПѢВЪ МАРІИ:

Гуляе рыбка, гуляе,
Несеся быстро водою,
Не знае серце, не знае,
Чомуся боре съ тоскою.
Гуляй же рыбко, гуляй,
Далеко въ тихій Дунай,
Не плачь же серце, не нудь,
Журбу на вѣки забудь!

Лѣтае пташка, лѣтае,
Спѣвае любо и мило,
Не знае око, не знае,
Чому слезою заплыло.
Лѣтай же пташко, взлѣтай,
Высоко, въ Божій той край,
Отрѣтся очи, отрѣтъ,
На свѣтъ весело глядѣтъ!

(*По спѣвѣ*).

Никого въ хатѣ. Осипъ гдесь на селѣ, а тато еще не вернули изъ мѣста. И самôй якось такъ тяжко на сердци. Щобы хотя мама скоро прійшли. Отъ и житье. Дѣвчиною весела, свобôдна, а потôмъ гдесь все минеся. Така уже и доля намъ.

Сцена 2.

(*Входятъ и Анна и Осипъ*).

ОСИПЪ: Щожъ, жѣнко, скучаешь сама въ хатѣ?

МАРЬЯ: По правдѣ то такъ. Всѣ розôйшлися, а я сама.

АННА: Розôйшлися, то и назадъ зôйдутся. (*Сѣдае*). Слухай Осипе, тутъ на тебе, кто хоче и не хоче, всѣ за то, що отъ корчмы людей отводишь!

ОСИПЪ Нехай, що хотятъ робятъ, мене изъ дороги не спровадятъ. За правду я въ огонь радо пôйду.

СПѢВЪ 2.

Чи есть въ свѣтѣ така сила,
Щобы правду побѣдила,
О! такои силы нѣтъ;
Правда злобу осоромитъ,
Правда силу злого зломитъ,
Утвердитъ скрôзь свôй завѣтъ!

Коли чисте зерно сѣешь,
То жнивъ щасныхъ ся сподѣешь,
Снôпъ до снопа, якъ одинъ;
Правды зерно добре, чисте,
Все тревале, золотисте,
Тожь щасливъ, кто правды сынъ!

(*По спѣвѣ*);

АННА: Видишь, Пьявкесъ иначе каже.

МАРЬЯ: На то ôнъ и Пьявкесъ!

ОСИПЪ: Нехай каже, що и якъ хоче, менѣ все одно! Знаю я, що ему на перешкодѣ. Тверезôсть начинае вводитися въ селѣ, отъ що.

АННА: Роби, якъ знаешь; тôлько, щобы отецъ не мавъ якои журоты черезъ тебе.

ОСИПЪ: Не бôйтеся мамо. Я що роблю, то могу явно сказати передъ цѣлымъ свѣтомъ. Но кто же то до насъ иде?

Сцена 3.

(*Тѣ сами и входитъ Пьявкесъ*).

ПЬЯВК.: Добрый день, тфу, то уже пôдъ вечеръ иде! А вôйтъ еще нема?

АННА: Нема! На що вамъ?

ПЬЯВК.: Я мало маленьке антересъ.
АННА: Громадскій?
ПЬЯВК.: Нѣ, таки наше, сосѣдске.
ОСИПЪ: Такъ можете и намъ сказати.
ПЬЯВК.: Що я маю зъ ваше отецъ, то друге дѣло. А до васъ я ничо не маю. Вы дуже премудре.
ОСИПЪ: А тыбъ хотѣвъ, щобы я бувъ такъ дурный якъ и ты?
ПЬЯВК.: Часами то велике розумъ не дуже здорово. Ну, то не мое дѣло. Тôлько, щобы зъ того розумъ не було велике бѣда.
ОСИПЪ: Для жидôвскои кешени, якъ?

Сцена 4.

(*Тû самû, входитъ Цапунъ*).

ЦАП.: Славасу! А вôйта нема?
АННА: Еще нема!
ЦАП.: Знаете, бѣда!
ПЬЯВК.: Ну, що за бѣда? Кажи!
ЦАП.: На що вамъ все знати?
ОСИПЪ: Щожь такого сталося?
ЦАП.: То то нѣбы на васъ бѣда, щожь я не смѣю казати.
МАРЬЯ: Яка же тамъ бѣда!
ЦАП.: Пріѣхавъ панъ изъ мѣста и сидитъ съ нашимъ писаромъ и все роспытуе за Осипа. Чи то правда, що ôнъ громаду бунтуе?
ПЬЯВК.: Я не казало; на що то великій розумъ?
ОСИПЪ: Якій же то панъ?
ПЬЯВК.: Певно, самъ староста, що?
ЦАП.: Нѣ, посланецъ карный за школу.
АННА: Бодай васъ съ такимъ паномъ.
ПЬЯВК.: Не бôйтеся, оно также голосъ мае!

СПѢВЪ 3.

Нынѣ голосъ каждый мае,
Где не треба все ся пхае,
Скрôзь рядити ôнъ готовъ;
Лишь такому можь часами

Погрозити кулаками
И сказати: птру, а говъ!

И панъ писарь вже не спроста,
Все ся дуе, якъ староста,
Супитъ также густо бровъ,
Но якъ зъ касы пятку свисне,
Наче банька паньство прысне,
Не поѣдешь дальше, говъ!

Мужъ пропивъ вже кожушину,
Тягне зъ лôжка подущину,
Жѣнка входитъ отъ коровъ;
Скôпцемъ въ зубы, въ плечи, въ спину;
Сякій, такій, кепскій сыну,
Сиди въ хатѣ—птру а говъ!

(*По спњвњ*):

ПЬЯВК.: Що оно собѣ винно таке хлопъ, щобы ему скôпцемъ въ зубы! На що то таке. Слухайте, Осипъ, то правда, що вы хочете робити братство отъ піятике?

ОСИПЪ: Не отъ піянства, но тверезости!

ПЬЯВК.: То все одно. На що вамъ таке? Я буду собѣ подавати на судъ, то розбôй, то криминалъ.

ОСИПЪ: Не кричи жиде, иди своею дорогою, найлучше зробишь!

ПЬЯВК.: Я пôйду, но я буду знати, кому сказати. Цапунъ, где той пôсланецъ есть, я ему скажу. (*Выходитъ, за нимъ Цапунъ*).

Сцена 5.

АННА: Казится жидъ, бо о него иде. А найгôрьше, що отца баламутитъ. Ей, щобы тато зареклися еще горѣвки, то бы разъ добре було. А я собѣ сѣла; по хозяйству нема кому пôйти. (*выходитъ*).

Сцена 6.

(*Осипъ и Марья*).

ОСИПЪ: А ты, Маріе, также противъ мене?

МАРЬЯ: Нѣ. Я все за тобою. Правда, боюся, щобы не попали мы въ яку бѣду, но Господь дасть перебудемъ.

ОСИПЪ: Видишь, жѣнко, не себе я гляджу, не своего добра, а добра громады. Щобы у насъ була тверезôсть, все було бы иначе. А нынѣ мы темнû и тому бѣднû.

СПѢВЪ 4.

(*Осипъ самъ*).

Намъ жаль слѣпого, ôнъ не знае,
Якъ свѣтъ пречудно выглядае,
Якъ птахъ горою въ хмарахъ вьеся,
Якъ въ филяхъ рыбка скоро бьеся,
Якъ сонце свѣтитъ, якъ зоря сіяе,
Намъ жаль слѣпого,—ôнъ насъ не знае.

Не жаль намъ брата, ôнъ хоть видитъ,
На бездороже явно сходитъ,
Ôнъ злымъ порокомъ ся не бридитъ,
Ôнъ въ ясну днину въ пôтьмахъ бродитъ,
Его нещастье всѣ мы бачимъ,
Чомужь надъ нимъ мы не заплачемъ?

(*По спѣвѣ*):

МАРЬЯ: На все прійде свôй часъ. Но треба и намъ найти помочи матери.

ОСИПЪ: Я отъ роботы хиба не утѣкаю. Ходѣмъ, жѣнко. (*Выходятъ*).

Сцена 7.

(*По хвили входитъ Семенъ, за нимъ Стефанъ и Андрей*).

СЕМЕНЪ: Сѣдайте, кумы. (*Сѣдаютъ*). Кажу вамъ, що уже менѣ надоѣло, то вôйтôвство. Кто не хоче, той и на мене. Села не можно перейти, а въ мѣстѣ все одно и то само.

АНД.: Чого они хотятъ отъ васъ?

СЕМ.: Кто ихъ тамъ знае. Нынѣ на мене, що пропинація у насъ мало торгуе. Хиба я за уши людей до корчмы буду тягнути?

СТЕФ.: То за Осипа мстятъ на васъ.

СЕМ.: Вже менѣ и съ тымъ дуракомъ довольно добра. Нехай собѣ иде, где хоче, коли бунтуе громаду.

АНДР.: Та якъ, сынъ, где пôйде?

СЕМ.: То нехай тихо сидитъ и конецъ.

Сцена 8.

(*Входятъ Пьявкесъ, Пугальскій и Цапунъ*).

ПЬЯВК.: Якъ собѣ маете, пане вôйтъ, где вы пробували?

СЕМ.: Ходивъ дивитися, якъ несли на окописко рабина!

ПЬЯВК.: Ай вай паскудне слово. А тутъ бѣда!

ПУГ.: Тутъ бѣда!

ЦАП.: Бѣда тутъ!

СЕМ.: Що знова.

ПУГ.: Була комисія.

СЕМ.: Яка?

ПУГ.: За Осипа. Що людей бунтуе, противъ цѣсаря и пропинаціи. А то знаете, велике дѣло.

СЕМ.: Щожь я на то здѣлаю?

ПУГ.: На що вы вôйтъ и отецъ, га? Напередъ выкине горѣвку, потôмъ жида, потôмъ писаря, потôмъ вôйта.

ЦАП.: А потôмъ мене...

СТЕФ.: Велика васъ шкода!

ПУГ.: Шкода, не шкода, а за такій бунтъ громада терпитъ. Отъ нынѣ прислали посланця за школу, завтра экзекуторъ прійде. Смиренне теля двѣ коровы ссе.

АНДР.: Оно правда, треба якось радити? Но якъ?

Сцена 9.

(*Тѣ сами и Анна*).

АННА: Господи, повна хата людей

АНДР.: То не люде, то жидъ, писарь и Цапунъ.

АННА: А ты старый чого посоловѣвъ, га?.

СЕМ: До смѣху тобѣ тутъ, а твôй сынокъ бѣду навѣвъ на громаду и теперь радь якъ хочешь!

СПѢВЪ 5.

Радь, якъ хочешь, все бѣда,
Хочь куда вертися,
Наче бочка голова,
Бери и казися!

Где не глянешь мудрагель
Важится учити,
Що безъ водки и дрегель,
Можно въ свѣтѣ жити!

Хлопъ здоровый, якъ бычокъ,
За цѣпъ не береся,
До газеты, до книжокъ,
Навѣдженый рвеся!

А въ „уржендахъ" все мовчитъ,
И никто не дбае,
Що Антипко вже не спитъ,
И свѣтъ пропадае.

(*По спѣвѣ*):

ПЬЯВК.: Пане войтъ, я на покрѣпленье горла принесло бутылку оковитки. Отъ она. (*ставитъ на столѣ*).

ЦАП.: Для начальства добра рѣчь!

СЕМ.: По чарцѣ можна. Но що робити съ бѣдою. Нынѣ менѣ казали, що пропинація жалуеся. И посланця насылаютъ, досыть вже менѣ того.

Сцена 10.

(*Входятъ Осипъ и Марія*).

ПЬЯВК.: Отъ и оно!

ЦАП.: За вовка помовка.

ОСИПЪ: А чимъ я вамъ вовкъ?

СЕМ.: Не жартуй небоже. Довольно менѣ уже съ тобою. Где не поступишь, тôлько нещастье иде за тобою. Уже черезъ тебе нашу громаду осмѣяли.

АНДР.: Оно нибы такъ, у насъ ледво що другій піякъ, а тутъ навертати всѣхъ, ажь грѣхъ. Безъ чарки же не жити.

ПУГ.: Пане начальнику! Тутъ треба судъ зробити. Я вношу актъ обжалованя.

СПѢВЪ 6.

(*Пугальскій самъ*).

Кто бунтуе всю громаду,
На начальсгво кто не дбае,
Кто зъ переду, або зъ заду,
Пропинацію пôдрывае,
Кто ся вяже въ комитеты,
Вводитъ брацтва и науку,
Кто, хрань Боже, ще газеты
Пхае нашимъ людямъ въ руку;
Кто на Пьявкеса говоритъ,
Кто съ Пугальскимъ ся не дружитъ,
Той злочинъ въ громадѣ творитъ
И начальству зле ôнъ служитъ!
И такого въ мысль закона,
Треба строго покарати,
Не поможе оборона;
Не поможе пане брате,
Кто ся того допускае,
Я не скажу, бомъ охрыпъ!
А якъ ôнъ ся называе.
Вы скажѣтъ!

ПЬЯВК. и ЦАП.: Ну, кто?

Осипъ!

ОСИПЪ: Коли вже обжаловали вы мене писарь, то позвольте, що и я що то вамъ скажу.

СПѢВЪ 7.

(*Осипъ самъ*).

Кто ворогъ намъ? що насъ спиняе,
Щобъ свѣтъ насъ щиро поважавъ?
Вы не мовчѣтъ—то каждый знае,
Нашъ людъ въ піянства грѣхъ попавъ!

Жидôвскѣ руки наше тѣло
Живцемъ дерутъ, кровь нашу ссутъ,

И щобъ насъ гôрьше ще болѣло,
Отрую въ свѣжѣ раны льютъ!

Кто ворогъ намъ, отъ-та флящина,
Змогти зъумѣе тутъ васъ всѣхъ;
Въ ней наша нужда и измѣна,
Въ ней наши блуды, въ ней нашъ грѣхъ!

И кто лишь въ Бога мае вѣру,
Той скаже: прочь зô злымъ огнемъ,
Бо черезъ водку мы по міру
Съ торбами скоро всѣ пôйдемъ!

Отъ, що я вамъ сказавъ. Колись изъ тыхъ хатъ нашихъ отцевъ гнали въ далекій свѣтъ økономскѣ канчуки. Нынѣ нема паньщины; нынѣ мы сами накладаемъ на себе торбу, а все черезъ водку. Другѣ народы щасливѣ, богатѣ, а мы? И тому знайте, що, кто крещеный, кто въ Бога вѣруе, той муситъ бути ворогомъ піянства!

СЕМ.: Ну, щожь зъ того, коли паны гнѣваются, комисію присылаютъ.

ОСИПЪ: Не вѣрте тому. То все выдумки. А если бы и такъ було, то помнѣтъ, якъ розсказовавъ отецъ вашъ, а мôй дѣдусь, скôлько пострадавъ ôнъ, якъ канчуками дерли его тѣло, за то, що стоявъ за свôй народъ? Постôйте и вы за него, а честь буде той, старой хатѣ, котрои стѣны уже много видѣли. Пьявкесъ не первый тутъ, довольно ихъ було, но дасть Богъ, що послѣдній.

ПУГ.: Чиста бунтація!

ПЬЯВК.: Таки такъ!

СЕМ.: Богъ знае, где правда!

АННА: А я, жѣнко, и кажу тобѣ: правда за его словами. Памятаешь, якъ тато розсказовали, що за Пьявкеса жида, за Цапуна, økонома ихъ катовали и живе тѣло изъ нихъ драли. Що тобѣ по службѣ, коли она не по сердцю?

СЕМ.: Святе твое слово. Отъ за ту фляшку души не спродашь!

ОСИПЪ: Такъ не мене, а ю судѣтъ!

МАРІЯ: Отъ, скорый судъ! (*Хватае фляшку и выкидае ôкномъ*).

ПЬЯВК.: Ой вей мое шкода!

ПУГ.: Видно, ничого намъ тутъ робити, тôлько отнестися до высшои власти.

ОСИПЪ: Мовчи! Ніяка власть не хоче темноты и піянства. Тôлько вовки бродятъ по ночи, и такихъ вовкôвъ не мало и межи нами. Но отъ теперь иначе буде. Чи такъ, отче?

СЕМ.: Такъ сыну!

СПѢВЪ 8.

ПЬЯВК., ПУГ., ЦАП.:
Лихо съ нами, лихо, лихо,
Убираймося всѣ тихо,
Хлопы, видно, подурѣли,
И горѣвцѣ измѣнили.

ОС., МАРЬЯ, СЕМ., АННА, СТЕФ., АНДР.:
Слава, слава, тричи слава
Пьяньства пала вже держава,
Нôчь минае, мы прозрѣли
До святой идемъ мы цѣли!

ПЬЯВК., ПУГ., ЦАП. (*разомъ*):
Где тверезôсть, где наука,
Тамъ съ пожиткомъ намъ розлука
Нѣтъ надѣи на спасенье,
Тамъ не для насъ воскресенье.
} Разомъ съ тамтыми.

ОС., МАРЬЯ, СЕМ., АННА, СТЕФ., АНДР.:
Где тверезôсть, где наука,
Тамъ пожитку есть порука,
Тамъ надѣя на спасенье,
На народне воскресенье!
} Разомъ съ тамтыми.

Конецъ 2-го акту.

Актъ III.

Особы третого акту.

Семенъ, председатель читальни, селянинъ.
Анна, его жена.
Осипъ, ихъ сынъ, адвокатъ, лѣтъ 30.
Марья, его жена, б. учителька.
Андрей } селяне.
Стефанъ } селяне.
Пугальскій, вандруючій музыкантъ.
Пьявкесъ, академикъ, лѣтъ 24.
Цапунъ, пьяниця. Народъ. Сильный хоръ.

Дѣеся въ хатѣ Семена въ 1915 роцѣ въ дни 3-го мая. Смотри увагу по „особахъ" 2-го акту.

Сцена 1.

Хата выпорожнена, тôлько стôлъ, за нимъ кресла по боцѣ лавки. На стѣнахъ фестоны изъ зелени и портреты заслуженныхъ людей. Надъ столомъ на стѣнѣ написъ „въ память знесеня паньщины".

Семенъ, Анна, Осипъ, Марья.

СЕМЕНЪ: Дѣти мои, вы не знаете, якъ вы мене возрадовали вашимъ пріѣздомъ.

МАРЬЯ: Еще бы въ такій день не пріѣхати. Мыжь бы радî каждои недѣли у васъ бути.

АННА: Знаю я о тôмъ, но Богъ заплать вамъ за добре слово, за радôсть и потѣху.

ОСИПЪ: Мене такъ тягне до тои старенькои хаты. Скôлько дорогихъ вспоминôвъ лучится съ нею. Сто лѣтъ стоитъ она и держится. Чому, бо на стовпахъ правды и добра и вѣры она строена.

СПѢВЪ 1.

Аще не Господь созиждетъ домъ,
Не стане онъ, не укрѣпится.

Ударитъ зъ неба ясный громъ,
И домъ напевно попалится.
За то, що клався ôнъ съ грѣхомъ,
Аще не Господь, сожиждетъ домъ!

Аще не Господь сожиждетъ насъ,
Не стане Русь, не засіяе.
Поверне тутъ опять злый часъ,
Незгода сновь насъ розъеднае.
За то, що жаръ святый погасъ,
Аще не Господь сожиждетъ насъ!

(По спѣвѣ):

СЕМЕНЪ: Нынѣшній вечеръ заповѣдаеся торжественно. Жаль, що нашъ читальняный дôмъ веде постройку, тамъ собралося бы бôльше народа.

МАРЬЯ: Я думаю, що нигде не отбудеся то торжество, якъ въ той хатѣ, яка памятае панщину. Духи предкôвъ прилетятъ тутъ и благословити насъ будутъ.

ОСИПЪ: А якѣ то предки. Той прапрадѣдъ, котрый съ кайданами на рукахъ пророческимъ духомъ звавъ, що на судѣ честный хамъ смѣло гляне въ очи яснымъ панамъ. Або той, котрый выповѣвъ въ селѣ вôйну піянству и отверезивъ всѣхъ. Слава, тричи слава ихъ мученическôй крови.

Сцена 2.

(*Входятъ Стефанъ и Андрей*).

СТЕФ.: Витайте, дорогѣ гости!

АНДР.: Мы такъ урадовалися, дôзнавшися о вашôмъ пріѣздѣ! (*всѣ витаются*). Якъ ту хорошо нынѣ. Молодежь вся собираеся. Наша дружина, хоръ, братства, все готово. Всѣ станемъ на дворѣ, а тôлько бесѣдники будутъ говорити изъ ôкна.

СЕМ.: Мы тутъ поминали всѣхъ предкôвъ, якѣ жили въ тôй хатѣ.

ОСИПЪ: И я еще разъ кличу: „честь ихъ мученическôй крови“!

СПѢВЪ 2.

Честь крови тыхъ, що полягли,
Отцовъ завѣтъ они спасли,
Спасли останки нашихъ силъ,
Сами лягли на дно могилъ!

Но зъ тыхъ могилъ могучій духъ,
Въ серцахъ у насъ ôнъ каже въ слухъ
Ставай, ставай, въ могучій зводъ,
Впередъ, впередъ! на бой народъ!
(По спѣвѣ):

АНДР.: И такъ село наше нынѣ въ передѣ всѣхъ. Своя читальня, молочарня, каса, кошикарска школа, три склепы, шпихлѣръ и ани однои корчмы.

МАРІЙКА: Слава вамъ за то! Дай Боже, щобы всюда такъ було!

ВСѢ: Дай Господи!

Сцена 3.

(*входитъ дѣвчинка, деклматорка, кланяеся*).

АННА: Ахъ, то ты Олю! Она проситъ, щобы могла еще повторити своій стихъ. Говори смѣло, а тѣтка изъ Львова где треба поучитъ тебе!

ДѢВЧИНКА (*деклямуе*):

Нашъ третій май!

Колись на Руси передъ вѣками,
Князи могучі̂ намъ пановали,
На бой спѣшили, на бой съ врагами,
И славу Руси скрôзь прославляли,
И жизнь плыла тутъ, неначе рай!
Отъ то для насъ бувъ **первый** нашъ май!

Прійшла неволя, люта, прелюта,
Въ ярмѣ прійшлося вѣками жити,
Но и въ неволи Русь позабута,
Дѣтей зъумѣла своихъ учити:
„Житье отдай имъ, чести не дай!“
Отъ то для насъ бувъ **вторый** нашъ май.

Пропала Польща, цѣсарь кайданы
Велѣвъ скидати—Русь ликовала,
Съ часомъ зажили вѣкові̂ раны.
Хоть память вѣчна о нихъ остала,
На око щастный стався нашъ край,
И то для насъ бувъ **третій** нашъ май!

И прійде хвиля, згоды и мира,
И прійде радôсть, що всѣхъ зъеднае,
Любовь до Руси, горяча, щира,
И кто заблудшій, той ся покае.

Дожити того, Боже намъ дай!
И то **четвертый** буде нашъ май!

МАРЬЯ: Славно, дѣвчинка (*цѣлуе ю*).

ОСИПЪ: Ба, коли такъ, то и мы, Маріе, переспѣваймо нашу пѣсню, ту саму, котру колись спѣвавъ прапрадѣдъ нашъ въ кайданахъ на рукахъ. А то, щобы не посоромитися вечеромъ.

МАРЬЯ: Можемъ заспѣвати.

СПѢВЪ 3.

Слова: „Хлопска доле“ изъ первого акту.

СЕМ.: Славно!

ОСИПЪ: Славно тутъ спѣвати, но радъ бы я почути ту пѣснь тогдѣ, коли она лилася изъ грудей нещастного мученика. Завтра всѣ помолимся о его души.

Сцена 4.

(*Входитъ Пьявкесъ, по пански убраный, дуже элегантно кланяеся*).

ПЬЯВК.: Чи маю честь говорити съ предсѣдателемъ читальни?

СЕМ.: То я, чимъ могу служити?

ПЬЯВК.: Маю честь представитися: Морицъ Пьявкесъ, академикъ, членъ поступового товариства „Пархенляндія“. Товариство наше, яко поступове, хоче приняти участь въ нынѣшнôмъ вечерку и мене выбрало бесѣдникомъ.

ОСИПЪ: Дякуемъ за честь, но приняти еи не можемъ!

ПЬЯВК.: Чому?

ОСИПЪ: Видите, вы потомокъ тыхъ самыхъ Пьявкесôвъ, якӣ ту жили вѣками. Коли наши предки страдали, що робили ваши предки? Тутъ въ тôй хатѣ передъ сто лѣтами мой предокъ за вашого дѣда въ кайданахъ ишовъ пôдъ нагаи. А коли село стало поступати, то ваши предки що робили? А вѣдь огонь и вода не зôйдутся. Межи нами и вами пропасть велика. На вечерку оставайте, но за бесѣду дякуемъ.

Сцена 5.

(*За сценою крикъ, гамбръ, гра на гирмоніи такъ, що все то перебивае рѣчь Осипа. Входитъ обдертый Цапунъ, а за нимъ обдертый, якъ тôлько можна Пугальскій съ гармоніею.*

ЦАПУНЪ: То тутъ.

ПУГАЛЬСК.: Маю честь представитися, членъ поступового товариства: „Бацярляндія". Я чувъ, що панство нынѣ даютъ забаву, и прійшовъ запытатися, чи може не треба музыканта. Я граю дуже хорошо на гармоніи. Мое имя Пугальскій.

ЦАП.: А я Цапунъ.

СЕМ.: Звѣстнѝ стариннѝ имена.

ПУГ.: Такъ, мôй прапрапрапрадѣдъ бувъ мандатаріемъ тутъ.

ОСИПЪ: Знаемъ о тôмъ. Музыки намъ не треба.

ПУГ.: А хотя бы трошки, щобы можна где-що заробити. Часы злѝ. Хотя бы одну трамлямпольку, або що такого.

ОСИПЪ (*дае ему гроши*).

ПЬЯВК.: Страхъ, яке пониженье людского достоинства.

ОСИПЪ: Пане Пьявкесъ! Его предки и ихъ предки ишли рука въ руку.

СЕМ.: Но, Пугальскій съ Богомъ.

ПУГ.: Нѣ, не може бути. За такъ щедрый даръ мушу паньству що заспѣвати. У мене голосъ первоклясный.

ОСИПЪ: Но не треба.

ПУГ.: Конечно, то бы не було по шляхотски изъ моеи стороны. (*спѣвае природнымъ голосомъ*):

СПѢВЪ 4.

ПУГАЛЬСКІЙ (*самъ*):

Диво, диво, що ся дѣе,
Не спôзнати того свѣта,
Видно другій вѣтеръ вѣе,
Друга правда днесь открыта
Хлопъ горою, чеснотою —
Удивляе свѣтъ собою!

Где не глянешь, всюда
Всюда поступъ; безъ принуки,
Не пытаютъ на мозолы,
Всѣ взялися до науки;
И що бôльше, днесь въ народѣ
Гербъ шляхотскій вже не въ модѣ.

Що робити, що почати,
Чи забути, що бувало,
И за плугомъ тоже стати,
Нашихъ робитъ такъ немало!
Свѣтъ змѣнився, хочешь ѣсти,
Можешь съ хамомъ смѣло сѣсти!

Диво, диво, що ся дѣе,
Не спôзнати того свѣта,
Видно, лучшій вѣтеръ вѣе,
Лучша доля днесь открыта,
Хлопъ горою, чеснотою —
Удивляе свѣтъ собою!

(По спѣвѣ):

ПУГ.: Що правда, то часами не дуже ôнъ деликатный и гонитъ музыканта изъ хаты.

ЦАП.: А я еще не дôставъ за фатигу.

СЕМ.: За що?

ЦАП.: Щомъ привѣвъ тутъ пана Пугальского!

ПУГ.: Вотъ пôзнати хама старои даты.

ОСИПЪ: Господи, якъ той свѣтъ змѣняеся. За сто лѣтъ скôлько мы поступили, дай Господи такъ дальше; вотъ два свѣты, якъ въ розрѣзъ пôйшли ихъ дороги.

СПѢВЪ 5.

ПЬЯВ., ЦАП., ПУГ.:

Двѣ дороги передъ нами;
Побрататися съ хлопами:
Або свѣтомъ утѣкати,
На минувше памятати.

СЕМ., АНН., МАР., ОСИП., СТ., АНД.

Стежка проста передъ нами
Поступати за слѣдами
Нашихъ предкôвъ; честь ихъ знати,
На минувше памятати!

Бо правда озвеся, хоть довго ся крые,
Неправда минеся, пропаде, затлѣе,
Побѣда за тыми, що въ трудѣ и бою,
Прапоръ чистый правды возносять го-
[рою.

ПЬЯВ.: Такъ, вы отмавляете намъ живои участи.

ОСИПЪ: Мусимъ!

ПЬЯВ.: Я внесу протестъ передъ цѣлый поступовый свѣтъ.

ОСИПЪ: Просимъ.

ПУГ.: А я дякую и до побаченя. (*Пьяв.*, *Пуг.*, *Цап. выходятъ*).

Сцена 6.

(*Тѝ сами, безъ выйшовшихъ*).

СЕМ.: И слѣпый тутъ увидитъ прямо Божій палецъ

МАРІЯ: И каждый нехай учится славити провидѣніе Господа. Славенъ Онъ и великій. Вознесъ насъ и вознесе еще высше.

АННА: Дай Господи!

ОСИПЪ: О честь тобѣ, стара, хлопска стрѣхо! Ты соблюла достоинство нашого народа. Пôдъ тобою таився его геній и изъ пôдъ тебе ôнъ геройски несеся на всю Русь. Поклонъ Тобѣ земный и благодареніе тысячныхъ, будучихъ поколѣнь.

ВСѢ: Аминь!

(*За сценою чути музыку, маршъ дружинъ*).

СЕМ.: Приходитъ велика хвиля! Огляньте изъ небесъ вы, предки нашого роду и благословѣтъ насъ на добрый, на великій, на святый подвигъ!

Сцена 7.

(*Входитъ мѣшанный хоръ и уставляеся отвѣтно: Марья, Анна, Осипъ, Семенъ на передѣ; Андр. и Степ. за ними*):

ХОРЪ: Пора, пора, за Русь святую...

(Конецъ.)

„Народна Библіотека“

выходитъ мѣсячными книжочками во Львовѣ.

Поодинокій выпускъ коштуе 40—50 гел.

Рôчна пренумерата 2 кор.

Адресъ для письмъ и грошевыхъ посылокъ лишь такій:

Григорій Ганулякъ, Львôвъ, Русска 3.

Вôдъ Редакціи. Яко первый выпускъ „Н. Библіотеки“ выдаемъ театральну драму І. Я. Луцыка п. з. „Въ тôй самôй хатѣ“. Заповѣдженый „**Лемковскій пѣсенникъ**“ появится 1 серпня, а то для того, що то бôльша книжка и не можна було на часъ выготовити.

До кôнця року дôстанутъ пренумераторы „Н. Библіотеки“ — 6 выпускôвъ, межи ними **Календарь на 1914 р.** Все то коштуе 1 К., а кто бы схотѣвъ поодиноко куповати всѣ тѝ книжочки то заплатитъ три разы дорожше! Пренумераторомъ „Н. Библіотеки“ уважаеся лишь той, кто съ горы зложитъ що найменьше пôврôчну пренумерату.

Каждый пренумераторъ „Н. Б.“ буде мати выписану на адресѣ дату, по котрый день мае заплачену подписку. Кто съ тымъ днемъ не вôдновитъ дальшои подписки буде вычеркненый изъ списка пренумераторôвъ.

Ширѣтъ и пôддержуйте „Народну Библіотеку“. Що здѣлаете для насъ, то здѣлаете и для себе. Народъ собѣ!